

Г.А. Шенгели в Одессе

В то незабвенное лето Гогену незачем было бы отправляться на Таити. С него вполне хватило бы Одессы. Голод и нищета довели ее экзотику до пароксизма, она излучала инфракрасное сияние. Город выглядел, как квартира после холостяцкой вечеринки или налета.

Мне было пятнадцать лет, и я упивался яркостью этих красок и сладчайшим безделием, возможным только в Полинезии. Нескольких месяцев достаточно было, чтобы я из респектабельного гимназиста превратился в оборванца: мои брюки еще недавно были шторами у нас в передней, с правой ноги у меня сваливался башмак с замшевым верхом, с левой — парусиновая туфля, тоже ставшая черной. При обычных обстоятельствах меня принимали бы за городского сумасшедшего, но тогда в этом городе щеголей и модниц все были одеты примерно так же, и поэтому никто друг за другом не бегал.

И вот однажды во время шатаний по городу, свернув с почти безлюдной Дерибасовской на уже совершенно пустую Преображенскую, я за квартал с лишним увидел трех шедших навстречу мне людей. Всё в них было поразительно, и прежде всего, — их несхожесть, их, казалось бы, несовместимость. Один высокий сутулящийся человек с головой, втянутой в плечи, в красной феске с роскошно ниспадающей черной кистью, в воротничке и галстук (но без рубахи), английском френче и галифе болотного цвета с наколенниками из красного сукна (через несколько секунд я убедился, что такая же заплатка красовалась сзади) и с пресловутой одесской обувью — деревяшками, заменявшими ему митенки, — шел спокойной свободной походкой гориллы, гуляющей по джунглям. Второй, маленького роста, казался бедно одетым студентом, и я не обратил бы на него внимания, если бы не его необычайной красоты большой лоб, нахмуренные брови и еще нечто, должно быть, одухотворенность, придававшее ему странное сходство с "маленьким капралом". Совсем иным был третий. Это был высокий очень красивый человек лет двадцати пяти с тонко очерченными греческими чертами лица, но все же не одессит. В нем было что-то подчеркнуто строгое, петербургское, интеллигентско-петербургское, профессорское, идущее вразрез с обликом его спутников. И одет он был не в духе времени, не по-одесски: черный костюм, крахмальная рубаха, крахмальный стоячий воротник, черный галстук. О южной бравате напоминали только бакенбарды, впрочем, аккуратно подстриженные (да и все в нем обличало аккуратиста), пробковый шлем, покрытый люфой (головной убор, почему-то называвшийся в Одессе "здравствуйте-досвиданья"), и то, что он тоже, хотя это ему было явно трудно и непривычно, шел босиком, держа в руках начищенные ботинки. Человек во френче что-то рассказывал, смеясь, "маленький капрал", как ему и полагалось, не слушал его и думал о чем-то своем, а третий, "петербуржец", трясся, я сказал бы, от заливистого беззвучного хохота. Я прошел мимо, и хоть картина этой случайной

встречи навсегда врезалась в память, мне и в голову не могло прийти, что через десять с лишним лет первый из них — Катаев — охарактеризует все, что между нами и с нами было, надписью на одной из подаренных мне книг: "на память о многом и разном"; что я стану одним из ближайших, неразлучных и, смею сказать, интимнейших друзей второго — Юрия Олеси, а третьему, Георгию Аркадьевичу Шенгели, буду обязан и своей профессией и любовью к ней, и привычкой к труду, без которой еще можно писать стихи, но переводить их невозможно.

Я признался уже почти во всем: мне было тогда пятнадцать лет, и я писал стихи. Вскоре я попал в одесский "Коллектив поэтов" и познакомился с теми тремя загадочными для меня незнакомцами, а также с Багрицким, Славиним, Ильфом, Бондариним, Тарловским, Бродским, Кирсановым и еще многими, ставшими писателями, и другими, навсегда оставшимися литературными чудаками.

Это был период становления той литературной школы, которую Шкловский потом окрестил "левантийской" (конечно, название — производное от Леванта, а не от почтенного Э.Е. Левонтина). Возникавшее левантийство было так же фанатично, так же сотрясаемо неистовыми страстями, как и всякая новая секта или религия. По прошествии лет, когда фанатизм ослабевает, а страсти утихомириваются, на многое смотришь иначе, но память, восстанавливая давние годы, восстанавливает и прежнюю точку зрения, подчас очень далекую от ваших теперешних мнений. Прошлое вступает в борьбу с нынешним, и в результате возникает снимок со смещенным фокусом. Даже добрейший Константин Георгиевич Паустовский, преисполненный добрейшими намерениями, стал жертвою этой абберрации памяти и допустил, говоря о прощальном вечере Георгия Шенгели в Одессе, кое-какие ошибки. Это же случилось и с другими, писавшими о том времени. Попытаюсь восстановить истину.

Я, должно быть, мальчишеским чутьем угадал еще при описанной мною первой встрече с Шенгели и его спутниками, что это люди, в чем-то различные не только по своим маскарадным, как у Катаева, костюмам. Их литературные пути разошлись уже тогда и должны были впоследствии еще больше разойтись. Между романтизмом и классицизмом издавна пролегла пропасть. Левантийцы были романтиками, Шенгели — "классиком". Вдобавок левантийцы вели яростную борьбу против нескольких старых и, признаться, за немногими исключениями, мало талантливых провинциальных беллетристов-бытописателей, издавна живших в Одессе. А уж левантийцы, независимо от личной одаренности каждого из них, меньше всего были провинциалами, что они вскорости и доказали. Но и среди врагов наших были люди и талантливые, и почтенные (почтенность, впрочем, шла у нас со знаком минус). Многое сближало с ними приезжего Георгия Аркадьевича. Да ему и дела не было до наших одесских счетов. Но культура и широта взглядов сближали его и с Багрицким, и с Олешей, навсегда оставшимися с ним в добрых отношениях. И все же между ними была пропасть — и особенно глубокая для наиболее задиристого из старших левантийцев.

Так возникло то, что можно условно назвать литературным скандалом (а они в распаленной голодом Одессе возникали тогда легко и просто) на том вечере, о котором я упомянул.

Вот что было: Георгий Аркадьевич собирался уезжать из Одессы, и на отъезд, как легко себе представить, нужны были деньги. Как их мог принести литературный вечер, мне попросту непонятно. Я отчетливо помню, как незадолго до этого Багрицкий устроил свой вечер в помещении бывшего конфексиона Бродского. В кассе сидела его жена, Лидия Густавовна, так что никакой утечки и утруски средств быть не могло. После окончания вечера Эдуард взял у жены вырученные ею тридцать или сорок миллионов рублей и купил на них у бабы, торговавшей напротив фруктами, два кило слив. Это было всё. Конфексион помещался на углу Ришельевской и Греческой, пока мы толпою дошли до угла Ришельевской и Дерибасовской, ни слив, ни денег уже не было. Но разрыв между рыночными и твердыми ценами был таков, что два железнодорожных билета до Москвы могли стоить меньше двух кило слив.

Во всяком случае, в конце лета в городе появились афиши:

"Прощальный поэзо-концерт
Георгия Шенгели"

Поэзо-концерт — название, к которому Георгий Аркадьевич прибег, в основном, для сбора: оно и послужило причиной взрыва. Организатором его стал один из старейших левантийцев, подбивший на борьбу и Багрицкого.

К вечеру был выпущен первый и, кажется, последний номер газеты "Друг искусства". Он начинался передовой под заголовком "Измена". Я помню одну из фраз ее. "Это возврат от мраморных колонн Пушкина в москательную лавку Северянина". Северянин был ненавидим всеми нами как олицетворение безвкусицы, даже мной, еще три месяца назад яростно подражавшим его поэтам. Газета была размножена в количестве примерно двадцати-тридцати экземпляров на пишущей машинке. Для нее не пожалели большой неизвестно где добытый рулон пипифакса. Мальчишки были науськаны. Все было готово.

Поэзо-концерт состоялся в помещении бывшего банкирского дома З.Л. Ашкенази и начался выступлением артистки Тушмаловой. Она, как могла, прочитала "Александрийские песни" Кузмина. Потом должен был выступать еще кто-то, потом Владимир Нарбут, и в конце первого и второго отделения — Георгий Шенгели. Но одесские гамены были нетерпеливы и, не дожидаясь дальнейшего, уже во время чтения стихов Тушмаловой засвистели в четыре пальца, пошли визжать и улюлюкать. С амфитеатра посыпался "Друг искусства". Вскочил и что-то начал кричать Багрицкий, так жестикулируя, что вывихнул себе руку. И сразу стал похож на огромную птицу со сломанным крылом.

Георгий Аркадьевич вышел на эстраду, надеясь стихами успокоить бурю.

Трагические эха Эльсинора!.. —

начал он, но гаменами это было воспринято как северянинщина, и шторм поднялся с но-

вой силой. Тогда в дело вмешался Нарбут и своим надтреснутым хрипловатым голосом мгновенно заглушил разгулявшихся мальчишек.

После этого Шенгели прочитал множество стихотворений, его чтение не раз прерывалось аплодисментами. Вечер окончился мирно, если не считать возникшей уже на улице драки между Багрицким и очень милым и симпатичным человеком, поэтом Ч., который тоже должен был выступать и обиделся из-за того, что его выступление оказалось сорванным.

А через несколько дней на вокзале друзья – и их оказалось немало – провожали Шенгели и его жену. Среди провожающих были Марк Тарловский и я. Классическая муза уже побеждала в наших сердцах фею романтизма.

Владимир БУГАЕВСКИЙ

Сцена представляет собою уголок за трельяжем в зале Калистрова дворца. Доносится музыка. Калистро смотрит сквозь ширмы в зал.

Калистро:

Музыка два часа гремит,
И вот, с арапом два часа скользит.
Лилейну шею наклоня
И пальчиками свой роброн
С лукавством приподымая,
К арапу ластится. А он,
На монстра некого похожий,
Своею наваксенной рожей
Ей ухмыляется, пыхтит...
О-о. Непереносимый вид.
А я, мудрец, познавший книги
И тайны древние собрав,
Любови тягостной вериги
Влачу и не имею прав
Ни ручку не пожать воздушно,
Ни к башмачку ее припасть...
О, как пребыть мне равнодушно,
Когда сию я вижу часть,
Что негр ее душой владеет
И нежну ладошку ее

Своею дланию лелеет,
И страстна Хлоя не умеет
Сердечко уберечь свое...

Впархивает княжа Елена.

Следом за нею арап Ибрагим в мундире гвардейского офицера.

Ибрагим:

Сюда, любезная княжна.
Здесь, в тишине уединенной,
Уханьем розы напоенной,
Минута сладка суждена.

Княжна:

О, сколь приятно здесь. А все же
На ваших диких островах
Стократ приятнее...
(Замечает Калиостро.)
Мой Боже,
Сей человек внушает страх.
Как смотрит он. Какие взгляды
Он мечет...

Калиостро:

О, княжна, я рад
Вас не пугать. Пускай услады
Вас легким хором окружают.
Пускай, исполнена прохлады,
Речь Ибрагима зажурчит
Ручьем текучим. Пусть наяды
Хрустальный смех вас упоит.
А я — я ухожу: там гости
Меня зовут на краткий миг
(В сторону.)
Черт побери. Себе от злости
Готов я откусить язык.

Делая вид, что удаляется, прячется в складках занавесей.

Княжна:

Убрался сей волшебник старый.
О, Ибрагим, я так робка.
Я всюду чую злобны чары.
Его костлявая рука
Меня преследует незримо,
И я укрыться не вольна.

Ибрагим:

О, под защитой Ибрагима
Вы в безопасности, княжна.

Княжна:

Ах, ваша мощная ладонь...

Ибрагим (обнимая княжну):

Не правда ли, она пылает.

Княжна:

О, друг, не тронь меня, не тронь;
В твоих объятьях сердце тает,
И некий сладостный огонь
Его любовно проникает.

Ибрагим:

Вот и чудесно.
(*Целует ее.*)

Калиостро:

Асмодей.
Они целуются. Злодей.
Нет. Должно мне ее избавить
От козней негра и направить
Ее любовь в пристойный путь.
Но как влиянье покачнуть
Широкогубого злодея?
Приди на помощь, колдовство.
С тобою сокрушить его

Незамедлительно сумею.
Пусть нежная душа княжны
Переселится в негра тело.
Она узнает, как гнусны
И плоть, и страсть его, и дело.
И что с араповой душой
Соделать мне? Куда я дену
Сей дух нелепый и глухой?
А... Вот. Я совершу подмену.
Пусть поменяются они
Своими душами на время.
(Делает пассы и читает заклинания.)
Трулу кашками барогани
Верьяматхобен мулу тремя
Паракомулу игадзушу
Иккимугалу зик динджир
Твою переселяю душу,
Твою... Гарбениум кабир.
Готово.
(Исчезает.)

*Княжна и Ибрагим, кружившиеся во время пассов, как наглотавшиеся
вишен из-под наливки птицы, падают на отдаленные стулья
и погружаются в сон.
Входят друзья Ибрагима — Первый и Второй.*

Первый:

Он, конечно, здесь,
В сетях пленительной любви
И пыжится.

Второй:

Пусть кинет спесь,
Присущу африканской крови,
Да сядем в ломбер. Ибрагим!
(Расстаккивает его.)
Пойдем сыграем.

Ибрагим:

Ах, мой боже,
Продерзкий! Да на что похоже
Все поведенье ваше! Ах!

Первый:

Да не ломайся, что за чванство!

Ибрагим:

Непереносное буянство!
Но что я зрю? О холодный страх!
Мои в чем ноги?

Второй:

В чем? В штанах.

Ибрагим:

О небеса! Я упадаю
В беспамятстве. Воды, воды!

Первый:

Пора из радостного раю
Его исторгнуть. Но куда?

Второй:

Ведем его. Впервые вижу,
Что наш веселый Ибрагим,
Как будто пышному Парижу,
Штанам дивуется своим.
Ну что ж, и снять их можно, право...
(*Уводят Ибрагима.*)

Ибрагим (исчезая):

О где моя девичья слава...

Молчанье. Входит мать княжны Елены, княгиня Непарнокопытная.

Княгиня (*заметив дочь, будит ее поцелуем*):

Ты здесь, Еленочка, одна.
Устала, душенька, наверно?

Княжна:

Отдыди, гробовая скверна!
Сегодня пост. Иль ты пьяна,
Что лезешь с ветхим поцелуем?
Иной я страстию волнуем:
Где ты, любезная княжна?..

Княгиня:

О, дочь!..

Княжна:

Я — дочь? Сие ужасно,
Чтобы гвардейский капитан
Так поносим был. Иль я пьян?
Уйди, тебе быть здесь опасно!

Княгиня:

Да что с тобою, дочь моя?

Княжна:

Уйди! А что-то сухо в глотке!
Пришли сюда графинчик водки
Да пирога...

Княгиня:

Мешаюсь я.
Князь, князь!..

Входит князь Непарнокопытный.

Князь:

Что здесь за суматоха?

Княгиня:

Елена повредилась.

Князь:

Что?

Княжна (*вытаскивая у князя из жилетного кармана табакерку*):

Да, табачку нюхнуть не плохо...

Князь:

Закрой, чтоб не видал никто.

Княгиня загораживает дочь физмами.

Пошлет же бог такое чудо...

Скорей ведем ее отсюда!

Княжна:

О, Господи, на мне роброн!

Я драться буду! Страшный сон!

Куда моя девалась шпага?

Нет, изменяет мне отвага...

Князь:

Уймись, Елена!

Княжна:

Семь чертей

И восемь ведьм вам в зубы!

Княгиня:

Дочка,

Слова какие! Ей-же-ей,

Мешаюсь я...

Княжна:

Молчи ты, квочка!

Спасите! Ой, ко мне, друзья!

Князь:

Тащи ее, жена моя.

Утаскивают княжну. Появляется Калиостро.

Калиостро:

Все рухнуло: душа Елены,
Что в черном теле пленена,
Плодов не узрит перемены.
В руках товарищей, пьяна,
Она безумствует, страдает,
И Ибрагим ей вдвое мил,
И южноафриканский пыл
Ее любовь вдвойне вздувает.
Ах, я, дурак, понять не мог,
Что тело нежное Елены,
Арапским духом напоено,
Удвоит сладострастья ток.
Ах, я, дурак...

Вбегают Ибрагим, весь в слезах.

Ибрагим:

Спасите: там
Они в меня коньяк вливают,
Табачным дымом окуряют.
Что, если разгласится срам?!

Вбегают княжна.

Княжна:

С поносной не мирюсь судьбою.
Они меня, как дурака,
Святой, но трезвою водою
Опрыскивали с уголька.

Вбегают князь и княгиня.

Князь:

Она опять сюда сбежала,
Ужели прежнего ей мало!

Княгиня (*замечая Калиостро*):

О, добродетельный Жозеф,
Вы — маг, блистательный и тонкий,
Небесный отвратите гнев
От сей свихнувшейся девчонки!

Вбегают друзья Ибрагима.

Первый:

Он здесь! Держи его, хватай!

Второй:

Черт! Он кусается! Ай-ай!..

Ибрагим:

Неопытну спасите деву!

Первый:

О, граф Жозеф, не дайте гневу
Небесному его пожрать!

Княгиня:

Исполните! Вас просит мать...

Калиостро:

Согласен. Но одно условие:
Елена с нежною любовью
Облобызает пусть меня, —
Тогда их расколдую я.

Ибрагим:

Согласна!

Кидается на шею Калиостро и целует его.

Калиостро:

Отвяжись, арап!
(*Подходит к княжне.*)

Княжна, ваш преданнейший раб,
Не возмущаясь, не ревнуя,
Покорно просит поцелуя.

Княжна:

Отъди, мерзкий шарлатан!
Чтобы гвардейский капитан
С женщиной поцелуи тратил!..

Калиостро:

Нет. Видно, я совсем уж спятил
От буйных треволнений сих.
Расколдовать их нужно ране.
(Делает пассы.)
Лулувикос гарем лабих
Лотопрем эманаско хани.
Готово.

Княжна:

Ах!

Ибрагим:

О, сколь приятно:
Моя душа пришла обратно.

Калиостро:

Ну, князь, уж коль на то пошло,
Елену выдать замуж надо.

Ибрагим (устремляясь к княжне):

Моя небесная услада!

Княжна:

Так нас несчастье сопрягло.

Князь (разводя их):

Еще подумать надо.

Калиостро:

Бросьте!
Чего там думать! Поскорей
Вы повенчайте сих детей,
Да и меня зовите в гости.

Князь:

И то резон.
(Благословляет Елену и Ибрагима.)

Калиостро:

Теперь, друзья,
Вас всех благословляю я.
(Поет.)
Моя любовь, Елена,
Безмерно велика:
Вас с негром соединила
Влюбленного рука.

Князь (поет):

Что ж, если все прилично,
Доволен и отец.
Идите в церковь, дети,
Принять святой венец.
Да будет вам судьбина,
Как нежный пух, легка:
Ведь вас соединила
Влюбленного рука!

Княгиня (поет):

О, капитан, храните
Сокровище мое,
Она хоть своенравна, —
Лелейте все ж ее.
Поранила любовью
Вас тетива стрелка,
И к браку привела вас
Влюбленного рука!

Друзья (поют):

Оставлен пунш горячий,
Забыт зеленый стол,
И капитан гвардейский
Благой приют нашел.

Так поцелуй, товарищ,
Уста нежней цветка:
Ведь вас соединила
Влюбленного рука!

Ибрагим, Княжна (поют):

Нам розами Купидо
Устлал тернистый путь,
Уста он свел с устами
И с нежной грудью грудь.
И наша страсть, волнуясь,
Как море широка:
Ведь нас соединила
Влюбленного рука!

Все (поют):

О счастье, о радость,
О неги, о покой!
К нам Гимен сладкогласный
Привел восторгов рой.
Так радуемся ж вместе:
Спокойна и легка
Вас, дети, съединила
Влюбленного рука!

